

ПРОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В НОМИНАЦИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

*Медведева Анастасия Леонидовна, ассистент
Кафедра иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

Концептуализация пространства занимает особое место в национальном языковом сознании. Пространство является одной из универсальных черт бытия, базовой когнитивной категорией.

Результаты многочисленных исследований показывают, что в основе формирования большого числа фундаментальных концептов лежат пространственные представления, которые складываются под влиянием экстралингвистических факторов, включающих среду обитания и ландшафт [Корнева 2006: 154; Корнева 2008б: 155]. Это связано с тем, что категория пространства играет особую роль в членении объективного мира при восприятии его человеком: моделирование структуры того или иного объекта предполагает пространственную организацию [Алфёров 2007: 7].

Объектом нашего исследования являются субстантивные номинативные средства, овнешняющие понятие о географическом пространстве и представляющие собой проявления антропоцентризма.

В настоящее время принято говорить о сложившейся в языкознании антропоцентрической парадигме, суть которой состоит в переключении внимания исследователя с объектов познания на познающего субъекта [Балашова 2004: 11; Кравцов 2008]. А. Вежицкая, например, считает, что в структуре предмета и его имени отражается факт того, что человек использует его для выполнения определённой функции [Wierzbicka 1975]. Антропоцентричность языка проявляется в его ориентировании на человека: последнему принадлежит роль в выборе языковых средств в определённой ситуации, а также формировании значений языковых единиц [Болдырев 2001; Караулов 2009; Кравцов 2011]. Исследователями было выявлено, что в большинстве языков человек «моделирует ориентацию предметов в пространстве», отождествляя их с собой [Гак 2000; Рахилина 2008: 18].

В процессах, требующих операций сознания, мышления, участвует язык [Pottier 2000: 3]. Познавательные процессы немислимы без участия языка, который позволяет человеку выходить за рамки наблюдаемого. Когнитивные структуры соотносятся с вербальными и, несмотря на разнообразие языков мира, «языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным механизмам...» [Рудакова 2004: 11]. На базе языка осуществляется закрепление осознанного объективного мира в качестве мыслительного [Колшанский 2005: 11].

Язык напрямую связан с опытом, который является продуктом любой

человеческой деятельности: «не может быть языка вне человека и независимо от человека» [Звегинцев 2001]. Номинативные средства (лексемы, фразеологизмы) участвуют в образовании языковой картины мира, в которой совокупности этих средств овнешняют концепты. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов... Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надёжной концептуализации явления... и максимальной коммуникативной востребованности концепта» [Попова 2006: 55].

Итак, рассмотрим, какие субстантивы, вербализующие пространственно географические концепты, несут в себе антропоцентрические признаки.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать географическое пространство как совокупность объектов рельефа суши и морского дна, а также водных пространств. Рельеф имеет два основных вектора рассмотрения: вертикаль и горизонталь.

Одним из наиболее коммуникативно релевантных французских концептов, формируемых представлениями о географических реалиях, является концепт *montagne*, 'гора'. Когнитивная область горы, то есть сфера знаний, ощущений, представлений, к которым отсылает нас данное слово [Langacker 1991: 3-4] довольно обширна, что обуславливает подробную детализацию среди номинаций видов, характеристик и частей референта. Так, например, пирамидальный пик номинируется ЛЕ '*dent*' (f) со свойственным ей признаком *наличие крутых склонов* [Larousse]. В данном случае имеет место метафорический перенос на основе антропоцентрического признака (*dent* – 'зуб' [НФРС 2005: 300]). Э. Бенвенист отмечает, что метафора является мощным фактором обогащения понятий, поскольку она «связывает суждения в умозаключение и становится орудием логического мышления» [Бенвенист 1974: 80].

Существительное *nunatak* вербализует видовое понятие, свойственное острову Гренландия, обозначая ледниковую скалу, характеризующую наличием так называемой ледниковой шапки – '*calotte glacière*', данный номинант представляет собой метафору с устойчивыми соответствиями между концептуальными доменами, служащими сферой-источником и сферой-мишенью. Как видим, сферой-источником выступает атрибут, имеющий непосредственное отношение к человеку, а именно, предмет гардероба (*calotte* – '*petit bonnet rond qui ne couvre que le sommet de la tête*' [GR], 'тюбетейка' [НФРС]).

Среди таких географических и геологических терминов как *épine dorsale*, его синонима *arête dorsale* – 'горная цепь', *dorsale* (f) *océanique* – 'океаническая гряда', и *ride* – 'океанический хребет' мы так же обнаруживаем проявления антропоцентризма. Слово *dorsal(-e)* образовалось от родственного ему *dos* – 'спина': *dorsal* – '*qui appartient au dos*' [GR], кроме того словосочетание *épine dorsale* имеет значение *позвоночный столб, позвоночник*. Что касается существительного *ride*, то оно обозначает складку кожи, морщину на теле

человека - 'petit pli de la peau, sillon cutané (le plus souvent au front, à la face et au cou, dû à l'âge, à l'amaigrissement, ou au froncement)' [GR]. В таких прочно закреплённых в языке и терминологии метафорах проекция между сферой-источником и сферой мишенью носит устойчивый характер. Эти метафоры носят название метафорических моделей [Баранов 1994].

Одной из составляющих образа горы является её подошва – 'pied' (m), это многозначное слово в данном случае актуализирует специфический пространственный признак *отношение к земле* и овнешняет понятие о горизонтальном измерении вертикально ориентированного объекта, а также является метафорической моделью, поскольку закрепилось в культурной и языковой традиции французского народа как наименование подножия горы. Такие концептуальные метафоры считают общепринятыми, поскольку они неосознаваемы, автоматичны и употребляются без заметного усилия [Ченки 2002: 355].

Некоторым географическим объектам свойственно приписывать характеристики свойственные человеку, примером такого олицетворения могут послужить словосочетания со словом «дюна» и «бархан»: *dune aveugle* - 'глухой бархан', *dune morte* - 'мёртвая дюна', *dune mouvante* - 'блуждающая дюна'.

Метафорические модели, сформировавшиеся на основе антропоцентрического принципа, можно встретить и среди номинаций водных пространств. К ним относится ЛЕ *bras de mer* (*bras* – 'рука'), обозначающая узкий морской залив, а также пролив.

Особый интерес представляет лексема *manche* (*la manche de Bristol, la manche de Danemark*), обозначающая пролив путём метафоризации: основное значение этого слова в современном французском языке – 'рукав', которое этимологически восходит к латинскому *manica, manus* – 'рука'. Данная единица, кроме того, стала именем собственным: *La Manche*. Однако, такие номинации, как видно из данного анализа, малочисленны.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что большинство номинаций объектов географического пространства, представляющих собой проявления антропоцентризма, имеют в качестве референтов элементы рельефа суши, это объясняется тем, что географические реалии суши характеризуются большей доступностью и, как следствие, большей освоенностью человеком. В основе такого рода номинаций лежит метафорический перенос, который отражает проецирование строения человеческого тела на объекты окружающей среды. По частеречной принадлежности эти лексические единицы относятся, главным образом, к именам существительным, поскольку их денотативная принадлежность непосредственно связана с материальным предметным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфёров А.В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса / А.В. Алфёров // «Исследования в области французского языка и Французской культуры. Материалы международной научной конференции. – Москва-Пятигорск: 2007. – С. 7-11.

2. Балашова Е.Ю. Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях: дис. ... д-ра. филол. наук / Е.Ю. Балашова. – Саратов, 2004. – 262 с.

3. Баранов А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М., 1994. – 330 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: «Прогресс», 1974. – 448 с.
5. Болдырев Н.Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур / Н.Н. Болдырев // Материалы III-й междунар. науч. конф. «Филология и культура». – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001а. – Ч.1. – С.15-20.
6. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространства. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
7. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
8. Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) / В.В. Корнева // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2006. – №1. – С. 154-164.
9. Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка / В.В. Корнева. – М.: АНО ВПО МГИ, 2008. – 192 с.
10. Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М., 2009. – 336 с.
11. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский // Отв. ред. А. М. Шахнарович. Предисл. С. И. Мельник и А. М. Шахнаровича. – изд. 2-е, доп. – М: Эдиториал УРСС, 2005. – 128 с.
12. Кравцов С.М. Антропоцентризм фразеологической картины мира (на материале французского и русского языков) / С.М. Кравцов // Русский язык в контексте межкультурной коммуникации. Сб. материалов междунар. научно-практической конф., посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Е.М. Кубарева. – Самара, 2011.
13. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии: автореф. дис... докт. филол. наук/ С.М. Кравцов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 52 с.
14. Попова З.Д. Когнитивно-семантический анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
15. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: «Русские словари», 2008. – 238 с.
16. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
17. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. – М.: УРСС, 2002. – 477 с.
18. Langaker R. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. Langaker – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
19. Pottier B. Représentations mentales et catégorisations linguistiques / B. Pottier. – Paris-Louvain: Peeters, 2000. – 318 p.
20. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma, 1975. – 390 p.
21. НФРС – Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина, – 10-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1160 с.

22. GR – Le Grand Robert de la langue française [Электронный ресурс]. – Р., 2012. – (<http://lerobert.demarque.com/fr/ca/dictionnaire-francais-en-ligne/grand-robert>).

23. Larousse. Dictionnaire français [Электронный ресурс]. – Р., 2009. – (<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>).

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ЗАИМСТВОВАНИЕ»

*Мирошниченко Лариса Николаевна, старший преподаватель
Кафедра иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

Изучение языкового заимствования имеет давнюю традицию, как в отечественной, так и зарубежной лингвистике. Еще во времена античности было замечено, что различные языки оказывают влияние друг на друга. В многочисленных трудах ученых-языковедов лингвистические аспекты процесса заимствования рассматривались в совокупности с проблемами культурно-исторических, социально-экономических, политических контактов различных стран и народов. Плодотворные успехи в изучении языковых заимствований были достигнуты уже к началу XX века. Среди отечественных лингвистических трудов по вопросам заимствования следует отметить работы И.А. Бодуэна де Куртенэ (1878), Я.К. Грота (1885), А.И. Соболевского (1891), М.Р. Фасмера (1909), Н.А. Смирнова (1910), И.И. Огиенко (1915), В.В. Виноградова (1938).

Со второй половины 20-го столетия общетеоретическое осмысление процесса лексического заимствования расширилось и поднялось на новую ступень. Значительный вклад в изучение проблемы заимствований внесли работы Л.П. Ефремова (1958), Ю.А. Бельчикова (1959), А.В. Суперанской (1962), Ю.А. Сорокина (1965), Е.М. Иссерлин (1965), М. П. Майорова (1967), Л.П. Крысина (1968), Е.Э. Биржаковой (1972), В.А. Звегинцева (1982), Д.С. Лотте (1982), Б.А. Серебренникова (1988), Л.М. Баш (1989) и др.

Заимствования неоднократно становились предметом исследований в зарубежной филологии. Огромное влияние на разработку проблемы оказали идеи Р. Кляйнауля (1910), Э. Рихтера (1919), В. Бетца (1949), Э. Хаугена (1950), У. Вайнрайха (1953), Г. Пауля (1960), Л. Блумфильда (1964), Б. Карстенсена (1965), Л. Макензена (1972), П. Поленца (1979), Х. Буссманна (1990) и др.

Следует отметить, что, несмотря на большое количество работ, посвященных данному языковому процессу, на протяжении многих десятилетий не стихают лингвистические споры по поводу определения объема понятия «заимствование», функционирования и типологии заимствованных слов.

Целью нашей статьи является исторический обзор теоретических подходов к осмыслению основного содержания заимствования, разработанных отечественными и зарубежными лингвистами.